

18+

Стефан Жеромский
Верная река

Стефан Жеромский

Верная река

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73480618
ISBN 9785006940369*

Аннотация

Вниманию читателей предлагается перевод повести известного польского писателя Стефана Жеромского «Wierna rzeka», в которой описываются события польского национального восстания 1863 года на территории современной Польши. Действие происходит в небольшой усадьбе, в которой нашёл убежище раненый повстанец, князь Йозеф Одровонж. Молодая хозяйка, рискуя своей жизнью, выхаживает раненого. Между молодыми людьми вспыхивает большое чувство, которому суждено подвергнуться серьёзным испытаниям...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	34
Глава 3	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Верная река

Стефан Жеромский

Семейное предание

Переводчик Константин Щая-Зубров

© Стефан Жеромский, 2026

© Константин Щая-Зубров, перевод, 2026

ISBN 978-5-0069-4036-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Снова вернулся раздирающий внутренности холод, а боль, будто топором, разрубала голову. Правое бедро беспрестанно разрывалось, словно из него вытягивали застрявший глубоко крючок от рыболовной снасти. Каждую секунду непонятный, незнакомый здоровому телу огонь пробегал по его спине, а тьма, наполненная разноцветными искрами, ослепляла глаза. Раненый кутался в полушубок, который ещё днём снял с убитого солдата в зарослях у реки. Босые ноги и окровавленные бёдра глубоко впихивал в кучу трупов, ища те два тела, которые теплом сочащейся крови согревали его среди ночи, а вытьем и стоном будили от сна смерти к милости жизни. Но те двое утихли, остыли и стали столь же отвратительными, как поле, покрытое окровавленной стернёй. Руки и ноги, выскивающие тепла ещё живых, постоянно натывались на мокрые и скользкие останки.

Он поднял голову.

Увидел и понял кончину, которую было пережил, осознал ту новую явь, заставившую страдать его дух. Лежало тут несколько сотен, представляя в утренних сумерках белую гору – добитые ещё будучи ранеными по приказу предводителя неприятелей, земляка и недавнего заговорщика,¹ раздетые

---

¹ «земляк и недавний заговорщик» – имеется в виду Добровольский Влодимеж (1834—1877) – поляк, подполковник русской армии. В молодости был близок

солдатами до последнего лоскутка, распотрошённые штыками, по десять раз проткнутые насквозь и прибитые к земле остриём офицерской сабли, с головами, разваленными пулями, вылетающими из приставленных в упор стволов, раздавленные колёсами пушек Ченгерого.²

Песчаный грунт далеко порыжел от крови, что вытекла до последней капли их этих останков. Намокли комья твёрдой пашни. Растаял снег. Притащенные сюда за ноги со всех сторон дочиста размели волосами широкую ниву. Прошлись, словно граблями, костенеющими пальцами. Нашептали в пахотные полосы последние слова и искусали землю в последнем стане.

Онемело и затихло малогощское поле.³ При свете тихой утренней зари последний живой солдат смотрел на него сквозь туман полусмерти.

И казалось ему: вот только что ещё стояли на этом месте кони... Ещё гудит земля, когда со смертельным криком

революционным кругам, но потом порвал с ними всякие отношения. Отличился чрезвычайной жестокостью во время подавления восстания 1863 года

² Ченгеры Ксаверий Осипович (1816—1880) – генерал-лейтенант русской армии, участник Крымской войны (1854—1856) и подавления польского восстания 1863г. (в чине полковника и должности командира Смоленского пехотного полка).

³ Малогощ – селение в Радомской губернии на юго-западе Царства Польского, возле которого 24 февраля 1863 года состоялось сражение между повстанческими отрядами под общим командованием Лангевича и русскими войсками. Повстанцы потерпели поражение, понесли тяжёлые потери и были вынуждены отступить

летят триста товарищей на предателя! Где жеребец? Где палаш? Где под сапогом железное стремя, последний товарищ?

Уже не слышать треска засыпающих долину гранат Добровольского. Исчезли фланкеры из козаков и драгун, что на протяжении свыше четырёх часов изрыгали наносящий урон огонь. Та южная сторона возвышенности, откуда вырывались тучи и клубы дыма и сверкал огонь, теперь сереет в полной тишине. С западной стороны – белеет кладбищенская стена, гнездо езе́ранчиков,⁴ кавалерии, пушек... А там, посередине, где стояла пехота – там ничего! С двустволками (бьющими на сто шагов) у своих ног, под огнём роты неприятеля, которые прицельно палили в них, как по мишеням, из своих карабинов, поражающих на полторы тысячи метров. Терпеливо ожидали с выносливостью греков – приди и возьми! – пока враг не приблизится на расстояние выстрела, пока не выйдет приказ – в атаку! Лежали теперь, сваленные в одну грудку. В отдалении клубились и расходились по долине дым от дотла спалённого войском городка. Раз за разом широкое пламя вырывалось из руин, пепелищ и дымов, будто это взметалось вверх знамя неумолимости, мигающим блеском трепеща среди смертельной тьмы и говорящее с чёрным небом своими потрёпанными языками. До слуха раненого долетел душераздирающий человеческий крик, раздавшийся между почерневших печей – уже безраз-

---

⁴ Езе́ранский Антони (1821—1882) – польский революционер, полковник, один из военных руководителей восстания 1863года

личный для сердца и неспособный побудить к действию. Подобно как огонь над руинами, вспыхивали в человеке чувства, но, также как и он, гасли в чёрном дыме мучительных страданий.

Пошёл мелкий дождь со снегом. Из леса над Лосьной⁵ потянулась мокрая мгла. По голым и крутым склонам холмов поползли туманы, спустились вдоль реки и через поле. Увлажнили лицо, подобно мокрой салфетке. В этом утреннем тумане виднелся лохматый от елей тёмный лес. От монолитного строя деревьев на пустые поля расплывалось тёплое дыхание – ласковый шум ветвей. Медленно покачивались длинные вытянутые верхушки и низко распростёртые лапы, как бы призывая глухим голосом убежать в их сторону.

Живых людей не было. Нигде и никого. Недалеко лежал убитый, на ногах которого были грязные грубые штаны. Перебравшись через полосу пашни, раненый стал снимать с него эту одежду, а затем быстро натянул на свои голые, дрожащие ноги. Искал глазами какую-нибудь обувь на трупах, но ни на ком не находил. Все были разуты и обобраны. Вдруг с восточной стороны, от Болмина, раздался треск пушечного выстрела. Потом другой... третий. Этот звук пробудил к жизни. Что-то во всём естестве вздрогнуло и наполнило энергией. Битва! К оружию! В строй! Начал ползти на четвереньках в ту сторону, по борозде, быстро, как

---

⁵ Лосьна (в верхнем течении – Лососина, в нижнем течении – Верная Река) – река в средней Польше, левый приток Белой Ниды; длина 36 километров

только мог. Но уже после дюжины движений снова упал без сил, уткнувшись головой между пластами земли. Правая нога не слушалась. Невыносимая боль раздирала бедро. Ощупывая место боли, инвалид большим пальцем руки наткнулся на глубокую дыру в опухшем бедре, из которой хотя скупо, но всё ещё сочилась кровь. Левым глазом не видел. Лёгкими прикосновениями пальцев обнаружил в области брови, глазной впадины и скулы выпуклый клубень, в котором горел огонь и откуда, казалось, сыпались разноцветные искры. Уже не было глаза, только странное и забавное явление в виде большого нароста. Голова, посечённая во время битвы саблями, выпустила в волосы много крови, которая застыла сгустками и наплывами, образовав на голове настоящую красную шапку. В груди, между рёбер, в плечах нарывали раны от многочисленных штыковых уколов. Однако страшнее любой боли был холод. Железной пятернёй он хватал за окровавленные волосы, запуская свои когти в кости и между рёбер, сотрясая полу-изрубленные останки беспардонной дрожью. Холод гнал вперёд. Пополз дальше на спине. Потом то на двух руках и левом колене, то на двух ладонях и ступне, при этом правая нога беспомощно волочилась сзади, творя из всей фигуры нелепый образ истового несчастья. Так дотащился до первых деревьев леса. Еловые ветви качались в холодном дожде и тумане. С них спадал на землю безмолвный шум. Только в нём не было ни жалости, ни сострадания, ни милосердия, ни презрения. Этот холодный

шум долго сплывал на полумёртвое сердце.

Одиночка приподнялся на руках и, обняв ствол первого же дерева, встал на ноги. Прислушался к отзвукам сражения. Ничто не прерывало тишины. Смотрел на место боя. Он не сожалел ни о тех, кто лежал в чёрном поле, ни о себе самом, ни о деле, ради которого шёл на смерть. Единственное чувство засело в его груди, единственная мысль под окровавленными волосами: сражаться. Был свидетелем, как солдаты добивали раненых, как ещё с полуживых срывали одежду... Не было чем загасить жизнь, превратившуюся в насмешку и позор. Пожалел, что больше не лежит между трупов. Стал искать смерти. Упал на руки и лицо. Его душу объяла тьма...

Бесчувствие длилось долго – когда он очнулся, солнце уже было высоко. С поля доносился разговор. Подняв голову, увидел людей. Тащили трупы куда-то под гору. Кто-то отдавал людям приказы. Раненый ужаснулся, что его закопают живьём. Решил покинуть это место. Стал пробираться через заросли ельника, через полу-растаявший снег, по скользким сосновым иглам. Одереневевшие ноги разогревались от движения, от ползания на колене и руках. Ему чудилось в разбитой голове, что лес собирается в одном месте, заслоняет зелёной шерстью, укрывает перед злыми глазами, словно лохматым покрывалом, что кто-то невидимый, но существующий, быстро-быстро показывает дрожащей рукой потаённые дорожки между стволами, оставленные рябинниками, тропы, протоптанные лапами и разметённые хвостами лисиц. Где-то

на своём извилистом пути, уже далеко в лесу, в глухом уголке он наткнулся на кривую клюку, высохшую еловую ветку, упавшую на землю с высокого дерева. На толстом конце ветки был сук, который идеально подошёл в качестве опоры под плечо. И по своей длине ветка годилась в качестве костыля. Опершись на свой посох, беглец коротко задумался о том, кто бы это мог подбросить ему опору под беспомощную ногу на дикой дороге. Бог Всемогущий или безжалостный рок? И рассмеялся над их милостью от глубины души – которая уже ничего не хотела ни от Бога, ни от судьбы, всё пережив в повстанческих походах и сражениях – имея в виду, что эту их милость презирает, что посланное ими удостоверение он легко может откинуть прочь! Однако вспомнил убитых братьев, пепелище Малогоща и крепко прижал к боку своё последнее оружие. Через всё его естество будто пролетел мстительный крик орла, а в сердце вошла яростная мощь. Почувствовал в себе дикую, сумасшедшую, старую, исстрадавшуюся душу Чаховского.⁶ Теперь шёл вперёд, опершись на свой костыль, большими шагами, как на ходулях. Ему казалось, что направляется в сторону Болмина, на подмогу братьям. От движения тела боль в бедре, спине и голове становилась невыносимой, словно от ударов раскалённым прутom. В костях и жилах разгорался настоящий пожар, проникал в голо-

---

⁶ Чаховский Дионисий (1810—1863) – выдающийся военный руководитель, участник восстаний 1830—1831 и 1863 года; отличался бесстрашием, энергией, действовал часто дерзко и безрассудно, пользовался авторитетом в отрядах повстанцев, погиб в сражении под Креминой 6 ноября 1863 года

ву и застилал глаза тёмным дымом. Босая стопа то и дело попадала на сучки, корни, палочки, лесные иголки, укрытые в снегу. Глубоко изрезанная, кровоточила. Часто изувеченное тело валилось в снег где-нибудь в подлеске или на полностью промокшем мху. Объятый внезапным холодом, человек вновь срывался с места и брёл в тяжёлом рыхлом снегу, по кустикам замёрзшей брусники, бродил по длинным, бесконечным полосам оттаявшей воды, неподвижно стоявшей по низинам. Насколько мог видеть глаз и слышать ухо, лес был пуст. То там, то здесь чирикнет лесная птичка, встревоженная шорохом человеческих шагов, и улетит куда подальше. Вокруг – немые деревья и немое над ними небо. Земля, поросшая окаянной растительностью, мучила пораненные ноги, кровь сочилась из ран. Её следы оставались на снегу, на еловых лапах, на стеблях и мху.

В глазах постоянно падающего от слабости и боли тот лес, ещё недавно приветливый, вытягивался, расширялся, открывался всё дальше – показывал свои дивные тропинки и безвыходные западни, глухие глубины, полукруглые завороты и бесконечные коридоры между рядами деревьев. Шли часы, но тот огромный лес никак не редел и не кончался. Местами вздымался на пути песчаный холм, крутой и труднопреодолимый, как перевал в Татрах. Лесная дорога разделила чащу на две части, и сама в них затерялась. Опираясь на свой костыль, беглец добрался до одного из песчаных бугров. Лёг на нём и решил уснуть здесь навсегда. Жизнь и смерть вы-

равнялись и стали для него одинаковыми. Только бы не трястись от холода, не страдать от необычных мук и не думать! Забыл, в какую сторону брести дальше. Сбился с пути...

Уснул сразу. Однако это был сон страшный, полный видений и суматохи. Окружающий лес, казалось, дрожал и охал. Всё в этом сне кипело от ударов шального сердца. Ему мерещилось, что глубоко под землёй, на которой отдыхало измождённое тело, гремел гром, сверкали молнии. Из глубин вырывался болезненный стон и, словно меч, рассекал надвое небо.

Резкая дрожь снова подняла несчастного и погнала дальше. Снова началось блуждание с волочащейся ногой с правой и суковатым костылём с левой стороны. Опустился на локти и колено, держа найденный костыль подмышкой. Намоченные грязью и водой полы полушубка страшным холодом обдавали живот и грудь, а сухая его часть на спине заливала потом кровавые раны. Пробитые острыми предметами стопы распухли и окрашивали кровью каждое болотце, каждую лужу. Было далеко за полдень, так как солнце опускалось за верхушки деревьев. По низу леса потянулся острейший холод. Раненый искал подходящего места в лесной гуще, где можно было укрыться от холода. Но место вокруг него постоянно было влажное, заросшее высохшим тростником. Он пытался взять вбок, то в одну, то в другую сторону, и забредал в раздрающий валежник, в присыпанные снегом кусты ежевики, в иву и раkitник, в наставленные иглы,

словно когти притаившегося сатаны. Пригнувшиеся стебли лесных малин и боярышников царапали лицо и ранили руки. Пробирался через те дебри, кляня свою долю. Выбравшись их тех зарослей, поднял глаза и, к своему глубочайшему изумлению, внезапно и неожиданно увидел поле, пустое пространство, низменные луга... Казалось, что это Бог своей рукой раздвинул заросли боярышника и дал лицезреть безлесную пустыню. Вдали тянулись заснеженные возвышенности, под последней из них был виден ряд деревенских хат. Над ними поднимались синие дымы на фоне розовеющего неба... На некотором отдалении от деревни – крупные строения с каменными столбами и чья-то усадьба с чёрной крышей, расположенные среди деревьев. Этот вид для повстанца был настолько неправдоподобен после бесконечно однообразного леса, что казался сном, иллюзией, проделками лукавого... Дома... Люди... Дым над счастливым очагом...

Несчастный повалился на землю. Лёжа без сил, смотрел на плывущие в высоком небе белые облака, на холмистую землю, на жилища людей. И последние были также далеки, как и первые. Ничто, ни на земле, ни на небе, не принимало эту жертву, состоящую из ран и пролитой крови. Всё было к ней враждебно. Земля, на которую упала голова, была глуха. Пространство вокруг – слепо и немо. Издалека тянулся холодный ветер. Только этот далёкий дым... Голубой дым, прекрасным завитком поднимающийся кверху, призывал непонятым, и в то же время приятельским приветстви-

ем.

Раненый отдохнул, встал и, опираясь на костыль, направился в сторону деревни. Местность на сей раз было ровная, без валежника и острых палок. Оттаявший за день снег покрылся от вечернего заморозка тонкой корочкой льда, что облегчало дорогу. Ноги передвигались по нему ловчее, без боли. Где на четвереньках, где на клюке больной преодолел практически всю ширь равнины. Уже слышал долетающий из деревни собачий лай, рёв скотины и голоса людей. Однако между ним и концом того луга возникла неожиданная преграда – река. Укрытая в высоких округлых берегах, усталых рыжей муравой, изгибаясь бесчисленными полукольцами, образующими длинную череду полуостровов, речка бежала быстрым чёрным потоком. По обеим сторонам у берегов была замёрзшая, но нигде ледяная перепонка не перекрывала водную поверхность целиком. Повстанец ползал вдоль берега в поисках настила или моста, по которым мог бы перебраться на другую сторону, но нигде ничего подобного не обнаружил. К тому же был так выбит из сил, что идти дальше вдоль излучин, выходящих будто назло, будто для бесконечного удлинения его пути, не представлялось возможным. Как перед тем лес, так сейчас река представляла непреодолимую преграду. Линия её берега, вместо прямого пути предлагавшая выходящий лентой зигзаг, была для утомлённого новой формой издевательства судьбы. Раненые ноги кружили по полуостровам, возвращаясь, как казалось,

на прежнее место. Насмехающийся дьявол бросил под эти ноги реку и пустил их в танец, в пляс направо и налево, без конца и без цели...

В одном месте, где вода разливалась пошире, а глубина была меньше, этот польский танцор прервал свой пляс, сунулся в воду и начал преодолевать её вброд. Войдя в воду, почувствовал облегчение. Чёрная речная вода окрасилась вокруг кровью. Забулькала, будто из глубины ёкнул её внутренний сторож. Нежным тысячекратным хлестанием, деловитым мытьём вода очистила каждую рану и, словно мать поцелуями, облегчила тяжесть страданий. Эта престарелая и вечно новая река щедро приняла в себя кровь повстанца, пересчитала её капли, деловито забрала себе, приняла в глубины, растворила, рассосала и куда-то понесла, понесла... Беглец ополоснул свои распухшие ноги в ледяной воде и, дрожа от холода, выбрался на берег. Грубые штаны прилипли к ногам и невыносимо студили, но из стыда он оставил их на себе, идя вверх, к деревне. Луга там кончились и начинались поля, отгороженные от низин. Между наделами пашни тянулся выгон с изгородами. Эта широкая наклонная дорога была истоптана копытами скотины, изрыта беспорядочными глубокими стёжками, завалена замёрзшей грязью. Раненый продвигался из последних сил, держась за жерди изгороди и опираясь на костыль. На той мозолистой дороге, казавшейся ему бесконечной, ему встретились люди с кадками и ведрами, идущие к реке за водой. Это были мужчины и женщи-

ны, стар и млад.

Заметив его, остановились, поглядывая с любопытством. Кто-то из толпы крикнул в сторону деревни, кто-то ещё быстро туда побежал. Молодой повстанец шёл дальше, беспомощно поскальзываясь на обледеневшей грязи.

Со стороны деревни стали подтягиваться мужики, хозяева в сермягах и кожихах. Одни приближались статно, другие бежали, что-то между собой обсуждая. Во главе всей спускающейся с горы группы шёл селянин с жёлтой бляхой на груди. Он приступал смелым шагом, а, приблизившись, смерил взглядом окровавленного пришельца. Затем спросил:

– Человек – кто ты?

– Вы видите же, я ранен... – ответил вопрошаемый.

– А как же тебя так поранили?

– В сражении.

– В сражении? Так ты – повстанец?

– Повстанец.

– Ну, братец, коль скоро сам говоришь, что бунтовщик и что был в бою, то мы тебя арестуем.

– Зачем?

– До города тебя должны доставить.

– Вы? Меня?

– Ну да. Пойдёшь с нами. Я тут староста.

Красный гость той деревни молчал. Это были именно те, за чью свободу он из господского дома пошёл спать в поля, зимой, на село, терпеть голод, как пёс слушаться приказов,

сражаться без оружия, чтобы вот так с поля битвы вернуться. Подходили остальные, встали вокруг полукольцом.

Тогда сказал:

– Дайте мне уйти, я же за вашу свободу и за ваше добро бился, и такие на мне раны.

– Э-э, подобную болтовню мы уже слышали... Ты себе говори, а у нас есть приказ. Иди лучше, брат, добровольно.

– Куда мне идти?

– Пока с нами в деревню. А потом узнаешь.

– Что думаете со мной сделать?

– На сене положим, чуток отдохнёшь. Сеном воз выстелим и подводой в город отправим.

– Неужто вы? Меня?..

– Это не наше дело. Таков приказ – и точка.

Раненый молчал и спокойно на всех смотрел. Его трясло от холода. Он грустно усмехнулся при мысли, что с таким трудом преодолел лес и речку, чтобы в конце концов добраться до цели...

Кто-то в толпе отозвался:

– И-и, такого везти! Упряжки жалко. Он же до фигуры в Борке не доедет – скопытится.

– Люди дорогие! Вы только поглядите, какая у него на голове красная магера!...⁷

– У кого украл такую красную шапку, пане?

---

⁷ Magiera – (пол.) круглая или четырёхугольная шапка из грубого сукна с плоским верхом и без козырька

– Через реку, видать, перебрался... Вода у него с козуха течёт...

– Люди! Он же на босу ногу идёт...

– Где же сапоги потерял, «свобода»?

– И издалека так идёшь, пане военный?

– Козух у него какой-то со значком.

– Верно, украл...

Староста настаивал, перебивая остальных и как-бы ища у всех собравшихся одобрения выполнения служебных обязанностей:

– Ну, хлопцы, вязать его нужно!

– Такого вязать...

– Верёвки жалко!

– Возиться неохота, только руки пачкать...

– Помрёт и без верёвки.

– Э, а может отпустить?.. – предложил тихо кто-то.

– А и правда, пусть ползёт откуда пришёл.

– Чтобы только через деревню не шло, пусть через выгон – не наше это дело.

– Лютого какого, кто буянит и головы людям разбивает, ведомо, отставляй. Но чтобы такого растяпу вязать...

– Всё же *хрестьянин*...

– Довольно! – крикнул староста. – Ясно, что по следам придут, увидят, что мы его в руках держали, но отпустили... Ты тогда за меня отвечать будешь, разве ты ногойкой получишь?..

- Ну, я не староста. Вязать так вязать.
- Верёвку бы...
- Сбегайте, кто-нибудь. Верёвку принесите...
- Пусть крайний бежит...
- Шевелись!
- У меня верёвки-то нет...
- Соломенным жгутом можно...
- А и правда, берёзовыми прутками – и делов-то...

Пойманный заметил пролом в гнилой изгороди. Вошёл в него и медленными шагами, опираясь на костыль, начал пересекать наискосок поле, полосу за полосой, по направлению к строениям усадьбы. Пошёл туда, потому что в ту сторону вёл проход. Толпа последовала за ним, бубня, совещаясь и споря. Кто-то шёл сзади и призывал то вернуться, то остановиться. Но он не останавливался, а строения фольварка были довольно близко, так что сборище мужиков, следовавших за повстанцем, напирало менее настойчиво. Только раз за разом раздавался смех, всеобщий и громкий, по поводу забавных и несуразных движений беглеца. Кто-то из толпы взял ком мёрзлой земли и бросил. Попал в спину. Другой попал в голову, после чего она пригнулась ещё ниже, до самой земли. Обзывали его различными прозвищами, но как-то будучи от него всё дальше и дальше.

Юноша дотащился до тыла господского сарая и оперся плечами о каменный столб. Видел через огонь горячки наблюдавшие за ним глаза крестьян, которые остано-

лись вдалеке и угрожали ему кулаками. Отдыхал. Ветер туда не долетал. Это место под защитой стен было тихое, сухое и радостное. В сердце не было ни грусти, ни сожаления, ни земных тревог.

Только желание заснуть навечно.

Чтобы не оставаться на виду мужичья, которое не расхотелось и всё ещё совещалось на выгоне, двинулся дальше вдоль стены сарая. Когда стена кончилась, повернул за угол и оказался на гумне. Там было пусто, ни души. Открытыми стояли конюшни. Пришелец заглянул в двери – коней не было. Внутри клином лежал навеянный ранее снег. Ясли и лещенки над ними были пустыми. На другой стороне фольварка чернели развалины и головешки спалённых коровников, амбара и сараев. Даже деревья в прилегающем саду были наполовину обуглившиеся, а дальний забор закопчён. Значительно ниже, за пепелищем, виднелась большая старосветская усадьба.

Повстанец пересёк двор и оказался у входа в кухню. Поскольку дверь была закрыта и нигде не было видно ни малейшего движения, несмело постучался. Не получив ответа, после долгого ожидания, взялся за скользкую железную ручку и попробовал открыть дверь. Дверь уступила. Он вошёл в тёмные сени, заполненные различным кухонным хламом, пустыми кадками, посудой и корзинами. Слева чернелась дверь, из-за которой слышался какой-то шорох. Тогда снова нажал простенькую ручку, открыл дверь и встал на по-

роге. На него повеяло теплом огня, пылающего под кухонной плитой. Как же глубоко это его тронуло! Перед очагом, лицом к огню стоял высокий, сгорбленный старик, белый как голубь, с очень густыми волосами и смотрел на большой казан, в котором булькала разваренная каша. Большая усадебная кухня была пуста, в глубине стояла кровать с грязной постелью. Пришелец позвал, но старик не обернулся. Позвал ещё раз – и снова напрасно. Тогда, вытянув костыль, слегка ткнул его в спину. Старик вздрогнул и резко обернулся. Был уже сильно в годах, практически одряхлевший, но широкий в плечах, костистый, быстрый в движениях и, видать, сильный. Его лицо цвета лёгкой ржавости зимнего яблока было сосредоточием бесчисленного множества морщинок, пересекающих его в разных направлениях, словно следы тесака на кухонной доске, образуя прямые лучи в области глаз и рта. Белая как снег, густая и плотная копна волос над распаханным лицом, полным силы и жизненного опыта, сияла в сумерках. Большие руки были как изношенный и стёртый от работы инструмент. При виде пришельца лицо старика стало суровым и страшным. Все морщинки собрались к кустам бровей и глазным впадинам, окружая их словно лесом ежовых иголок.

– Вон! – закричал старик, топая своими здоровенными сапожищами. Колени, вылезающие из дыр грубых порток, стучали в злости одно о другое. Между концами распахнутого воротника полушубка была видна складчатая, как у кондора,

шея. В этих складках клокотали какие-то выражения. Кулаки были стиснуты. Глаза яростно сверкали. Гость не отходил. Жадно смотрел на огонь. Выйти из этого тепла на пронизывающий ветер в мокрых штанах, студящих ноги, брести снова опухшими ногами по ледяным комьям... Снова встретить на дороге сборище крестьян...

Почувствовал в сердце высокое счастье, радостный покой, услышал возле головы как бы звучание песни. Заметил, что выплатил все долги, искупил не только свою вину, но и чьи-то чужие преступления, и стало на душе так хорошо, как никогда ещё не бывало в его жизни. Попросил жестом не умоляющим, а чем-то вроде кивка купца, чтобы ему было позволено отогреться у огня.

– Вон! – повторил ужасный дед. И ещё раз за разом произнося это слово, уставил на незнакомца свои чёрные как смола, проникающие глаза.

– Двор из-за тебя сожгут, ты, юха червона!⁸ Сколько уже сараев и амбаров подпалили, чёрт ты пропащий? Сейчас же вон!

Беглец, будучи не в состоянии обратно переступить порог, в бессилии на нём уселся. Его руки обвисли до земли, костыль выпал.

Старый кухарь расстегнул на себе полушубок и левой рукой что-то искал за пазухой. Невнятно при этом бормотал,

---

⁸ jucha czerwona – (букв.) «красная кровь» – название древнего польского острого соуса

щеря свои зубы, среди которых двух передних не хватало. Потом вдруг засуетился. Схватил чистую миску и, набрав рукавицей из казана готовой ячменной каши, положил в посудину и подал раненому.

– На, жри и тут же вон отсюда, ведь за тобой быстро по следам придут. Усадьбу сожгут, а меня ногайками забьют. Живее, шевелись!

Повстанец показал жестом, что у него нет ложки. Старик бросил ему на колени деревянную, всю изгрызанную. Смотрел из-под лба, как повстанец дрожащими руками подносит ко рту горячую кашу, как заглатывает её поспешно и с невыразимым наслаждением, обжигая себе губы. Вскоре миска была пуста, несравненно добротная и вкусная каша съедена без остатка. Раненый показал кухарю свои ноги – одну, раздутую в бедре, чёрно-синюю, цвета железа, другую – многократно пробитую в стопе, распухшую и окровавленную. Дед с отвращением шевелил губами, клял последними словами, плевал и выражал крайнее недовольство, но пристально смотрел на раны.

Продолжая недовольно ворчать, дед потопал к своей постели, залез под кровать и вытащил оттуда кочергой пару рыжих, очень старых крыпцев – то есть истоптанные в грязи подошвы, передки, каблуки от подкованных мужицких сапог из твердейшей юфтевой кожи, от которых отрезаны голенища. Эти крыпцы были засохшие, твёрдые, будто бы выделанные из железного сырья. Молодой панич надел их

на свои стопы и так с вытянутыми ногами, обутыми теперь в железные буты, сидел на пороге. Кухарь смотрел ему в глаза с прежней строгостью и потребовал немедленно убираться со двора. Но поскольку у того совсем не было сил подняться, схватил его поперёк, оторвал от земли и вынес в сени, вытолкнул наружу и захлопнул за ним дверь. Выгнанный замешался, в какую сторону идти. На гумно не хотел, так как за ним были мужики. Пройти перед усадьбой не осмеливался, так как её сожгут из-за него. Но дорога сама вела его вниз, как раз вдоль усадьбы. Дом был огромный, каменный, длинное строение с двумя крыльцами, с большой почерневшей крышей. Перед этими крыльцами проходила когда-то дорога вниз, к речке. Туда и пошёл кровавый солдат.

Стремился как можно быстрее миновать тот негостеприимный дом. В сто раз сильнее болели его ноги в тяжёлой обуви, тяготили костыль в руке и «московский» полушубок на хребте, но прежде всего, прежде всего – неподъёмный груз позора, который тащил на себе... Прошёл мимо первого крыльца, не поднимая глаз. Прошёл мимо другого... Как вдруг с этого крыльца его кто-то окликнул. По нескольким каменным ступеням к нему спустилась молодая женщина и остановилась на полпути, поражённая его страшным обликом.

Бродяга поднял на неё свои глаза и, несмотря на всё постигшее его несчастье, глядя сквозь предсмертный туман, был удивлён и восхищён её красотой. Улыбка, жалостная

и вместе с тем счастливая, показалась на его губах. Не было чем и не знал, как поклониться этой прекрасной особе, потому только рукой выполнил какой-то знак приветствия. Она смотрела на него чёрными глазами, которым удивление, любопытство и чуточка жалости придавали ещё больше красоты.

– Со сражения? – только и прошептала.

Он подтвердил, невольно продолжая ей улыбаться.

– А где был бой?

– Под Малогощем.

– Так значит, туда Ченгеры отправлялся, когда вчера около нас проходил...

– Да, так, там ещё и другие были...⁹

Приблизилась ещё на шаг, изучающе разглядывая военный полушубок.

– Я – повстанец... – объяснил. – А это на поле боя снял с солдата, после того как с нас одежду содрали.

– А как же пан сюда дошёл?

– Лесами.

Она посмотрела на его красные волосы, выбитый глаз, залитые кровью ноги и задвигалась быстро, расторопно, не теряя времени и с какой-то особенной весёлостью в душе. Схватила его за руку, вытащила из неё суковатый костыль и отбросила прочь за поломанные остатки садовой ограды.

---

⁹ в сражении под Малогощем русские войска были представлены тремя отрядами: полковника Ченгерого, подполковника Добровольского и майора Голубова

Затем обняла раненого под руку и повела к ступеням крыльца.

– Усадьбу сожгут... – мягко сказал ей, поневоле обмякая.

– Как оно будет, посмотрим, а теперь – марш, куда скажут! – поспешно пробормотала, поднимая его по ступенькам.

С трудом преодолел ступеньки и уселся на скамейке тут же на крыльце. Паненка зажгла лампу, стоящую там же и, отворив тяжёлую дверь, проводила гостя за собой вовнутрь. Его башмаки беспомощно стучали по каменному полу просторных тёмных сеней. Поднявшись ещё на пару ступеней, вступил в двери большого помещения, и, ведомый за руку, переходил из комнаты в комнату. Дом уже наполнился сумраком. Это место в полумраке, слабо растворяемом тусклой лампой, через многочисленные огни горячки, показалось пришельцу устрашающим. Ему мерещилось, что уже наступила смерть и его красивый ангел-спаситель провожает до удивительной усыпальницы. Пытался отступить, уйти... Однако маленькая, сильная рука не отпускала. Так миновал за проводницей большой, пустой, холодный салон и был впущен в маленькую, обогретую комнатку. Девушка посадила раненого на обычной обитой ситцем кушетке и, оставляя одного, шепнула, будто кто подслушивал:

– Я пойду посмотрю, не видел ли кто, и вытру следы крови с крыльца.

– В кухне меня видел какой-то старик.

– Ну, это свой... Кухарь, Шчэпан.

– Меня ещё видели крестьяне, как я шёл ко двору.

– И это ещё не самое страшное. Как бы то ни было – тихо...

Она вышла из комнаты, унося с собой лампу. Больной облокотился спиной о стену и только теперь почувствовал всю свою немощь. Страдания как будто ждали этого момента. Они набросились на беспомощного все сразу, со всей своей безграничной мощью. Он завыл от боли... Заслонённые бельмом глаза видели светлый квадрат окна, несмотря на царящий в комнате мрак, муслиновые занавески, различные предметы, хотя разум не мог понять того счастья, что израненное тело укрыто среди стен человеческого жилища и имеет крышу над головой. Как сон, проходили перед ним картины боя, побега, леса, речки...

Скрипнула дверь. Послышались тихие шаги. Молодая хозяйка вошла в комнату, неся свою лампу. Смеясь, поставила её на столе и сказала:

– Украла тут всё, даже подсвечники... Осталась только эта лампа. С ней сижу, как в амбаре. Слышал пан что-то похожее? Ну, вытерла все следы на крыльце. Пан ослабел?

– Да, нету сил.

– А какие у пана раны?

– Очень много... Только минутку отдохну... Сразу же пойду.

– Натё, сразу пан пойдёт. И куда же пан так направляется,

если, конечно, можно спросить?

– Может, тут есть какой-нибудь погреб, или дровница, или чердак, где я мог бы улечься под крышей. Ну и укрыться чем-нибудь, каким-нибудь сукном – мне очень холодно...

– Сейчас, сейчас...

– Я уже могу идти, я уже отдохнул...

– Конечно...

Оставила лампу на столе и куда-то побежала. Не было её довольно долго.

Раненый впал в непреодолимый сон, в глухую, бессознательную дрему. Он постоянно порывался влекомый произвольным желанием быстро уходить, укрыться – но не имел сил пошевелить рукой, повернуть голову. Не знал, как долго длилась эта борьба с сонным оцепенением. Но вот дверь открылась и показался тот самый старый кухарь, угостивший его кашей, неся вместе с молодой панной полную лохань воды, над которой поднимался пар. Поднесли посудину до середины комнаты и поставили на пол. Старик громко ворчал, сплёвывал и яростно взмахивал руками, но панна внешне не обращала ни малейшего внимания на такие проявления плохого настроения. Должен был делать, что приказывала. Она велела принести мыло, губку, несколько простыней, полотенец, бинты и корпию.¹⁰ Кухарь приносил всё по очереди, каждый раз переспрашивая, что ещё принести, словно слу-

---

¹⁰ корпия – нащипанные из старой полотняной ткани нитки; в прошлом употреблялась при перевязках вместо ваты

га пани, и, донеся очередную вещь, отвратительно ругался по-мужицки, словно он тут распорядитель. Девушка кричала ему на ухо распоряжения с постоянным весёлым настроением. Когда служака принёс всё необходимое, сказала ему идти на кухню и приготовить новый котелок воды, чтобы вскипела как следует. Пробормотав что-то ужасно непотребное, он вышел из комнаты. Тогда она стянула с плеч юноши, беспомощно повисшего на её руке, грубый, провонявший полушубок и вынесла его в сени. Сняла с него твёрдые крыпцы, действующие на ноги подобно кандалам, и выкинула в то же самое место. Повстанец был практически наг, только в мокрых штанах. Не без труда стащила его с кушетки на расстеленную посередине комнаты простыню. Поместила его голову внутрь лохани, над горячей водой, и принялась мочить губкой ссохшиеся наплывы, комья, подтёки в окровавленных волосах. Отжимала маленькими ручками волосы от крови, делила их на отдельные узкие пряди, заботливо доставая всё новые завитки, вбитые в раны ударами палашей и штыков. Обнаружив очередную рану, тщательно промывала её, высушивала корпией и старым полотном. Обработав таким образом порезы и раны, обвязала всю голову бинтами, аккуратно, крест-накрест. Скоро голова больного была приведена в порядок. Но лохань была полна крови. «Сестричка» положила своего пациента на землю и позвала кухаря. Когда пришёл, гневный и злобно сопящий, приказала ему, крича распоряжения в ухо, прежде всего забрать полушубок и крып-

цы. Полушубок порвать на куски и сжечь. Принести новый котелок горячей воды. Когда принёс воду, послала его за кадкой, чтобы слить окровавленную воду из лохани. Вынужден был это всё быстро и точно исполнять, так как паненка морщилась и топала ногой. Окровавленную воду вынес во двор и вылил в навозную кучу. Паненка сама налила чистой воды в лохань и занялась обработкой лица. С ним дело обстояло во сто крат тяжелее, чем с резаными ранами головы. Трудно было понять, сохранился ли глаз, так как под бровью на всей половине лица было единое чёрное вздутие, залитое кровоточением из раны. Молодая лекарка долго светила в область глаза лампой, пытаясь как-то его рассмотреть. Её прелестные пальцы старались найти место ранения, ощупать веки и глазное яблоко. Пришла к выводу, что это не была рана от пули или от удара палашом, но от укола штыком. Остриё попало в скулу и по ней соскользнуло в сторону носа, раздирая кожу и выталкивая глаз из орбиты. Был ли глаз цел, существовал ли ещё, никак не могла понять. Стала омывать и оплёскивать разрыв водой, пытаясь очистить рану на всю глубину. Заложил дыру ватой, наложил повязку и перешла к штыковым ранам в плечах и между рёбер. Это были в основном ушибы и неглубокие травмы. На спине обнаружила резаные раны от палаша, но они оказались несерьёзными – меховая куртка и рубашка смягчили удары. Самая тяжёлая и страшная рана была в бедре. Молодая лекарка была вынуждена забыть о своём положении паненки и полностью

раздеть раненого. Когда дотрагивалась до чрезвычайно опухшей раны в бедре, повстанец выл от боли. Было ясно, что это не штыковая или сабельная рана, но что внутри сидит пуля. Девушка безуспешно пыталась обнаружить пулю пальцами. Она сидела где-то очень глубоко между костями, жилами и сухожилиями и вызывала страшную боль при малейшем беспокойстве. Пришлось ограничиться очищением и перевязкой этой раны. Мытьё стоп, из которых повытаскивала все занозы и иголки, завершило все медицинские процедуры. Одев больного в найденную в шкафах мужскую рубашку, опекунша завернула это средоточие ран в чистую простыню и с большим трудом, после многих долгих попыток, словно боролась с весом жеребца, втянула больного на свою девичью кровать. Хорошо укрыла его синим атласным одеялом с подложенной снизу тонкой простынёй и принялась тщательно вытирать с пола кровавые пятна, выливать красную воду в кадку и выносить при помощи кухаря наружу, а также наводить в комнате всяческий порядок.

Её гость находился в сознании. Не спал. Посматривал на прекрасную женщину, суемящуюся в помещении, на её миловидную (с какой стороны ни смотри и в какой бы позе не была) голову с волосами воронёной черноты, расчёсанными посередине и прижатыми у висков, на правильные черты лица, от которого шло необъяснимое обаяние, на розовые губы, на которых вечно гостила радостная доброжелательная улыбка... Она была одета в широкое снизу платье, согласно

моды, но не доходящее размером до кринолина. От работы её щёки окрасились, а руки были вымазаны кровью. Глядя на эту чужую, но такую очаровательную особу, которая его собственную персону, его раны и отвратительнейшую грязь перемыла с весёлой естественностью и доброй простотой, захлёбывался от наплывов счастья. Счастья, которое послал ему Бог после огромных страданий. Когда брёл через леса, воды и злоречил – оно ждало его в этом доме. Только он, один-единственный, был к нему призван...

Вспомнил голые трупы, лежащие кучей на поле между полос, на останки отважных, тащимые за ноги в низину под лесом, и погрузился в мысли о Боге...

Видения и муки, страшные образы и непонятные голоса окружили его со всех сторон. Над ним наклонялись ужасные страшилища в виде деревьев или неслись над головой, сверкая копытами, различные звери, покрытые пеной. Свои руки чувствовал тяжёлыми, как бы из мрамора. Ладони то висели высоко, словно прицепленные к потолку, то были по ощущениям настолько малы, что он никак не мог их обнаружить. Ноги бросало то туда, то сюда – как стволы на лесопилке. Голова стала будто раскалённая наковальня, по которой с размаху бьют молотами сразу несколько силачей.

Глава 2

Волшебное светило солнце. Яркие круги дрожали на сосновых досках, которые, будучи вымыты от вчерашних пятен, совершенно высохли. Что-то веселилось и смеялось от счастья, кружась на том месте, где стояла лохань, мигая то сильнее, то слабее. Больной смотрел на солнечный след и наслаждался его видом. Вошла молодая хозяйка. Она несла в руках мисочку с каким-то дымящимся кушаньем и серебряную ложку. Очень внимательно посмотрела на своего пациента. Заметив, что тот не спит, улыбнулась, как самый весёлый школьный повеса, и подала своим взглядом знак одобрения. Кивнула головой, говоря:

– Ну, видит пан, ночь прошла, полдень прошёл, а пан не умер.

– В самом деле?

– Ну, конечно! И сейчас пан будет есть кашу, это ли не доказательство!

– Кашу? Ту же, что вчера?

– Ту же.

– О, как же это хорошо!

– Вот и я так же подумала. Тем более, что мы тут со Шчэпаном ничем другим попотчевать пана и не можем. Так что прошу простить – чем хата богата... ну, и так далее... Хотя бы иметь щепотку муки, хотя бы чуть-чуть сахара, мо-

лока... Ничего! Каша и каша. Такое бы и курам опротивело – нет?

– Теперь – нет. Повстанцам не противно даже то, что куры уже клевать не хотят. Только бы не была такой горячей, как вчера.

– Она совсем не горячая, к тому же я могу её легко остудить – сегодня хорошо приморозило. А может пан вообще кашу не любит?

– Да где там! В отряде, я же говорю, всегда каша, иногда немного картофеля... Просто, той вчерашней обжёг себе рот.

– Какой же с пана отчаянный мученик! Всё порезано, исколото, порублено, простреляно – а теперь вдобавок и губы ошпарены. Этого только не хватало...

– Прошу прощения...

– Не стоит. Человек ко всему привыкает. А что касается каши, то хотела сказать – ничего, кроме неё, у нас нет, только этот мешочек ячменной крупы. И то – секрет! Представьте – секрет! Как выследят и отберут у нас, то всё, голод.

– А где же вы, паньство,¹¹ этот мешочек держите?

– «Паньство»! Никакое не паньство, только Шчэпан, тот старый кухарь, которого пан видел. Прячет его на сеновале, в сарае. Он проделал в сене дыру в несколько локтей глуби-

---

¹¹ обращение «panstwo» принято (и в наше время тоже) к группе людей, где есть и мужчины, и женщины, в частности, к супружеской паре; не применялось к простолюдинам

ной и туда на верёвочке мешочек каждое утро спускает, после того как наберёт для нас обоих дневную порцию крупы.

– Проще пани, а где я нахожусь? Как называется это место?

– Так пан и этого не знает?

– Не знаю. Я тут чужой, в первый раз...

– Это двор в Нездолах. Нездолы – владение паньства Рудецких, моих родственников и опекунов.

– А пани? Прошу прощения, что спрашиваю...

Девушка весело и обворожительно улыбнулась, после чего сказала:

– Меня зовут Саломея. Только пусть пан не думает, что я какая-нибудь местная жидовка, я – Брыницкая, из тех Брыницких, в чьём владении когда-то были Мерановичи. Он приходился дядей моему отцу. А пани Рудецкая – моя тётка, жена маминого брата, хоть не кровная, а родня.

– Да я ничего такого и не подумал! Очень красивое имя...

– Очевидно!.. – кивнула головой с горьким сожалением. – Все не перестают удивляться, что человеку можно было дать такое имя. Салуся, Сальця – о, Боже! – «Сальче»...

– «Сальче» по итальянски значит «верба». Красивое дерево и красивое название.

– По-итальянски? Пан знает итальянский?

– Немного знаю. Не очень, правда, хорошо, но достаточно, чтобы разговаривать. Научился, сам даже не понимаю как, во время пребывания в Италии.

– Пан был в Италии? Боже мой!

– Отчего пани так вздыхает?

– От зависти. Это должно быть так приятно быть в Италии, «под итальянским небом»... Там действительно какое-то особенное небо?

– Такое же...

Раненый прикрыл глаза, к нему снова подступились раздражающая боль и огонь горячки. Смотрел перед собой бледными глазами. Спустя какое-то время, сделав над собой усилие, пришёл в себя и сказал:

– Пани совсем меня не знает, а уступила свою постель...

– Знаю, что пан повстанец.

– Моя фамилия Одровонж, а по имени – Йозеф.

Потом добавил:

– Видит пани, у меня от родителей титул князя...

– Князя? – прошептала панна Саломея, присматриваясь к нему наполовину с недоверием, наполовину с удивлением. Её лицо посерьёзнело, движения стали более осмотрительными. Однако, ненадолго.

– Я обладаю значительным состоянием – он продолжал дальше – а вчера...

– О, вчера пана можно было распознать не столько по голенищам, которые были случайно отрезаны, а, скорее, по магнатскому кожиху... – перебила девушка с язвительной усмешкой.

Больной со стыда закрыл глаза. Всё внутри взволновалось.

Он начал медленно говорить:

– Я постараюсь... безотлагательно... как только... встать и вернуться обратно в отряд, чтобы не доставлять пани такие неприятности...

– Ох уж эти угрозы!.. Лучше пусть ваше княжеское сиятельство не разговаривает и лежит спокойно. Скажу прямо, уже очень давно... первый раз за четыре недели этой ночью нормально спала под паньской опекой.

– Что! Под моей опекой?

– Именно. Князь должен принять к сведению, что в целом этом доме нет никого, только старый кухарь, Шчэпан, глухой как пень вербы – по-итальянски «сальче» – ну и я, тоже «Сальче».

– А где же все?

– Где все? Нету. Пошли! Пана Рудецкого, моего кровного и опекуна, бросили в тюрьму, ещё два месяца назад. Было здесь пятеро сыновей, молодых Рудецких. Их них Юлиан, Густав и Ксаверий пошли сразу. Кто из дому, а Гучо – тот прямо со школы в Пулавах. Два самых младших мальчика на учёбе в Кракове. Юлиан погиб в сражении, где-то в Меховском, а бедный Гучо...

Панна Саломея горько заплакала. Потом вытерла глаза и продолжила:

– Также и Ксаверия нет в живых. Моя тётушка, мама хлопцев, поехала искать по лагерям. Прошло уже четыре недели, как её нет. Один жид, местный корчмарь, что торгует ло-

шадьми, а на самом деле конокрад, виделся с тётушкой, как возвращалась откуда-то с сандомерского. А ещё ходит молва между местными мужиками, которые теперь отлавливают повстанцев, чтобы доставить затем к «Цынгеру»¹² – что она хлопочет об освобождении дядюшки из тюрьмы в Опочине. Вроде бы останки Ксаверия отыскала в каком-то сарае.

– Откуда такие известия?

– Фурман Сковрон, что ездил с тётушкой, рассказывал. Выехали на четырёх конях и с повозкой, а фурман вернулся один и пешком. Тётушка коней продала, повозку тоже, так как ей были необходимы деньги для залога, чтобы дядю освободить. Как фурман вернулся, то даже не зашёл, чтобы рассказать, что случилось, сразу отправился в свою деревню. Только через десятые уши всё от него узнали.

– И что ещё говорил?

– Говорил, что убитые были одеты в грубые длинные, до самых пят, рубахи, а на шеях трёхцветные банты, плотно один к другому. Так и лежали перед погребением рядами в том сарае. А Ксаверий между ними.

– Рубахи, банты! Что за пышность, что за милость! – смеялся Одровонж и повернулся лицом к потолку.

Панна Саломея продолжала:

– А теперь пусть пан себе представит, что стало с Гучем. В одном бою он спасался бегством верхом на коне. Под какой-то деревней скакал между изгородей. И ушёл было це-

---

¹² имеется в виду – к Чингерому

лым, поскольку имел под собой чудо-коня, Каштана, который сам на нашем пастбище от рождения вырос. Ну надо же было случиться несчастью – откуда-то на середину дороги вылез телёнок, и Каштан на него наткнулся. Драгуны, что Гуча преследовали, тут и подлетели. Разнесли его там палашами, разрубили, рассекли, да так, что только туловище без головы и рук понёс конь полями. И, похоже, целыми милями бегал потом и носил труп – в конце волочил его по земле, когда тот из седла выпал, а одна нога в стремях осталась. Ох, такой конь! Кто бы мог подумать... Все мы его любили, ездили на нём, за счастье было на него сесть – и без седла, и под седлом. И чтобы так подло споткнуться, не перескочить какого-то телёнка, предать лучшего панича! Любимый Гучо! Такой красивый, такой весёлый...

Коротко всхлипнула и зарыдала. Одровонж молчал и без жалости смотрел на её плач. Она вытерла слёзы и продолжала:

– Вся прислуга с этого дома разбежалась. В одну из ночей пришли повстанцы пана Езёраньского, и сразу за ними войско. Повстанцы забаррикадировались в винокурне, а также в амбаре, и начали со всех окон и щелей стрелять. Войско подпалило тот амбар. От крыши загорелась и винокурня. Сгорело всё – винокурня, амбар, коровники и сараи. Счастье ещё, что ветер нёс пламя на луга, а то бы не уцелели ни последний сарай, ни конюшня, ни даже усадьба – такой был огонь. С того времени все из дома и разбежались. Коней всех

забрали, жеребят кто-то выкрал ночью. Всё, что только было в амбаре, повстанцы забрали. А уже когда мой папа пошёл до восстания, то только мы со Шчэпаном и остались.

– Так у пани есть отец?

– Есть. Мой папа был у Рудецких в Нездолах управляющим целых двадцать два года, с того времени как вернулся из Сибири. Он был в ту революцию вахмистром у конных стрельцов, через то и в Сибирь угодил.

– А мама у пани ещё есть?

– Моя мама умерла, когда мне был годик, это значит, двадцать два года назад, нет – двадцать один...

– О, пани уменьшает себе возраст!..

– А что же, должна прибавлять? Совсем не уменьшаю.

Спустя немного добавила не то с гордостью, не то с долей смущения, с какими сообщается о семейных делах и подробностях, которые представляются важными и значащими только узкому кругу близких, но для чужих абсолютно неинтересны:

– У моего папочки только шесть пальцев на обеих руках.

– Это почему так?

– Потому что ему в бою под Длугосёдлом пуля оторвала, аккуратно когда поднёс карабин к лицу и целился. Тут ему два пальца оторвало и тут два. Когда моется, то так смешно...

И она показала как, складывая ладони.

– И вот так одну-одинёшеньку отец паню оставил?

– А так, ведь для поляка отчизна на первом месте, и толь-

ко на другом – семья... – произнесла высокопарно выражение мудрое, устоявшееся и распространённое.

– Как же пани справляется, когда сюда войска приходят? Ведь приходят?

– А то! Приходят? Да хороша та ночь, когда их нет. А если нет войска, то наши. А как наши уходят, то войско.

– И пани всегда одна?

– Нет, ведь есть же Шчэпан.

– Этот дедок?

– Он хоть и дедок, но мудрый, подкован на все четыре ноги, на каждую вещь, на что бы ни произошло, у него есть свой мужицкий выход и безошибочный способ. Кроме того, скажу князю пану, он не боится. Вернее, бояться то он боится, будет весь трястись как холодец из телячьих ножек, но никогда не убежит. В тот самый момент, когда необходимо действительно встать – и только он знает, когда это нужно – точно не предаст и примет всё на себя. Сто раз его выгонят, а он влезет за дверь и слушает, ждёт. Только я голос повышу, он тут же при мне. Если на меня нападут, будет защищать до последнего. Он верный. К тому же на самый крайний случай у меня есть ещё один защитник.

– Где?

– Вот здесь – призналась с улыбкой, вытаскивая из кармана широкого платья двухствольный пистолет.

– Кто же его пани дал? – спросил Одровонж.

– Папа.

– И только такую оставил защиту?

– Папа сказал, что только в самую последнюю секунду, если кто силой нападёт. Но прежде всего папа наказал защищаться до последнего достоинством польской женщины.

– Польской женщины достоинством...

– Князь думает, что это ничего не значит? Я уже здесь не раз имела пример. И скажу ещё один секрет – это пана князя успокоит. У меня тут есть одна сообщница. Только это необходимо держать в тайне, ибо без неё нам было бы здесь худо.

– Сохраню всё в тайне...

– Ну, так скажу. Есть тут корчма в чистом поле в какой-нибудь четверти версты от усадьбы. Стоит на перекрёстке дорог. Сидят там одни жида. Раньше брали водку с нездольского двора, когда винокурня ещё работала. Теперь её берут где-то в другом месте, а промышляют кто чем может, но в основном переправкой в далёкие края краденых коней. Так люди говорят. Хотя сейчас всей правды не узнать, так как всё идёт в колею восстания. Какие-то кони стоят в корчме, потом исчезают. Может это повстанцы... Их там много, этих жидов в корчме. Но есть между ними одно жидовиско, лет четырнадцати-пятнадцати. Зовут его Ривка. Хорошо бы увидеть это страшилище при дневном свете. Не мылась уже четыре года, волосы все в колтунах, ободранные, грязные.

– Прямо как у меня вчера...

– Немножко даже хуже, только не окровавленные. Когда Сяпся, старший корчмарь, арендовал господских коров, то Ривка приходила с рассветом на удой, молоко мерить. Я также должна была вставать к коровам до рассвета. Там от скуки разговаривала с той жидовкой о всяком разном. Не раз что-нибудь ей дарила. Иногда вытаскивала её летними вечерами из корчмы, и мы убегали обе в ночь, в туман, на речку, в росу, поноситься босиком по бескрайним травам... Князь пан, наверное, возмущён, что я так с этой жидовкой сошлась...

– Нет, упаси Бог!

– Опять же, до полного доверия не доходило, только одно точно, что это создание хорошо для конспирации, верное и, как бы сказать, при мне словно тень при дереве. Бывало, договоримся идти за дикой малиной на ту гору, что за Нездолами стоит. Всегда шла за мной и слушала, что ей говорю. Я так, и она так же, я по-другому, и она тоже. Что я люблю, то и она. Что мне не по вкусу, от того и её аж воротит. Что я себе напеваю, то и она слово в слово, звук в звук, так смешно, что за живот держишься. Приходилось даже сдерживать смех, чтобы её не обидеть. Иногда специально ей пела какую-нибудь несусветную глупость или придумывала смешные песенки, чтобы тоже научилась... В конце концов Ривка сделалась моей лучшей подружкой. Но только такой, настоящей. Теперь, когда войско идёт, чтобы не было понятно, откуда и куда, через корчму двигаются, потому что она

стоит на развилке дорог. Как только спрашивают про дорогу к усадьбе в Нездолах, Рифка через задние двери, через жидовские закоулки, сенки, пристройки, через мусорку и навоз, через горку, через буерак, через сад – ко мне. Если ко двору идут повстанцы, то стучит мне в это окно три раза, если войско – четыре. Я тогда в кухню, бужу Шчэпана, и по-тихому готовимся, ждём. Только как начинают ломиться в дверь, стучать прикладами по окнам, Шчэпан идёт открывать. И мы, по крайней мере, уже знаем, как себя держать. Князь пан меня понимает?

– Понимаю, только болит очень, вот здесь в ноге. Только вот о княжеском титуле будем иметь в виду раз и навсегда, что он был и никуда не денется, поэтому нет причины постоянно утруждать себя вызыванием его из небытия.

– Князь пан такой, как это говорят? Демократ...

– Ну, вроде того.

– Хорошо, будем говорить по-простому. Речь о том, что пока пан тут лежит, эта Рифка очень важна. Правда?

– Ой, правда.

– Дело в том, что они производят обыск в целом дворе и мою кровать стороной не обходят. Трясут везде. Иногда бывает кому стыдно станет и прикажет только внешне осмотреть. А бывают опять же и такие, кто специально, с шутками заглядывают в каждую щёлку.

– А что делать, если теперь придут?

– По стуку Рифки будем знать, кто идёт. Если четыре –

Шчэпан возьмёт пана на плечи и вынесет из дома. Думаю, что лучше в сарай...

– Как же это будет тяжело!

– Не так, как кажется. Дед справится. Даже и этот титул княжеский своё сделает, так как даст понять Шчэпану, что пан – сиятельный богач.

– Богач не богач, но моя семья щедро его наградит.

– Именно. *Ça ira*...¹³

– Пани итальянского не знает, зато по-французски...

– Знаю, потому что училась в пансионе, у монахинь, в Ибрамовицах. Немного не доучилась, так как папа велел мне возвращаться до хозяйства. К тому же, признаюсь, ничего я в этих Ибрамовицах не потеряла. Я тут разговариваю и разговариваю, а пан ничего ещё во рту не имел. Принесу-ка я каши потеплее, а то эта словно клейстер холодная. Может даже Шчэпан капельку молока у жидов достал, правда... козьего – добавила смущённо.

С тем вышла из комнаты.

Вернувшись, нашла своего гостя погружённым в лихорадочный сон. Подошла к нему на носочках и оглядела повязки. Тут и там кровь протекла сквозь полотно. В разных местах подушка и простыня были в пятнах. Паненке жаль стало постели, но и того дылду, что называл себя князем, жалела немного. Жаль ей было, что его правильные черты, прямой совершенный нос, статная голова так были испорчены

---

¹³ *Ça ira* (фр.) – пойдёт

ранами. Она сидела тихо в углу комнаты, вздыхая над происходящими событиями, пока он не очнулся. Тогда заставила его съесть несколько ложек каши, правда, без обещанного молока, зато тёплой. Он много раз просил прощения за беспокойства, которые ей причиняет. Её сердило бесконечное повторение одного и того же по кругу. Чтобы положить этому конец, заявила:

– Я уже докладывала пану князю, что только сейчас могу свободно отдыхать под его опекой.

– Пустые шутки!

– Никакие не шутки! Если бы пан только знал, что здесь происходит по ночам, то точно бы понял, что мне не до шуток.

– Что же тут такого происходит?

– Будто так легко всё объяснить!...

– Что войска приходят?

– Э-э, войска это одно... а вот другое...

– Что другое?

– Пан видел, какой этот дом огромный?

– Окинул взглядом, но вчера мне трудно было что-либо подробно заметить.

– Тут восемнадцать комнат. Одни большие, другие маленькие. В их числе три салона. Один, самый просторный, во всю ширину усадьбы, в той, каменной части, что в конце. И на всё это – одна я.

– Пани страшно?

– Пану легко говорить, он мужчина. К тому же пан не знает обо всём...

– А что ещё необходимо знать, чтобы бояться как следует?

– Проще пана, дело вот в чём... – сказала, придвинув свой стульчик к кровати и понизив голос до шёпота:

– Жили тут давно, после революции, двое братьев Рудецких. Оба хозяйствовали совместно, всего было девять фольварков, винокурня, лесопилки, стада, коровники – ну, словом, большое хозяйство. Старший брат, ныне не живущий, Доминик, служил когда-то в войске. Должна пану сказать, что он так же был влюблён в тётушку, но несмотря на это она вышла замуж за того брата, что нынче живой и сидит в тюрьме, за Павла.

Покойный дядя Доминик управлял винокурней, конями, мельницами, лесом, лесопилкой, всем производством. Дядя Павел управлял фольварками. Так здесь вместе и жили. Дядя Доминик всегда на той стороне, один, так как они всегда с дядей Павлом спорили о деньгах и обо всём. Там у себя ел. Посылали ему обеды на ту сторону. Мой папа рассказывал одному пану, тоже участнику революции, что дядя Доминик всегда любил тётю и не мог простить брату, что тот перешёл ему дорогу. Видно, от того и чудачествовал. Ничего, только кони, собаки, борзые, гончие. Всё время охотился, стрелял по целям из ружья и пистолетов. Однажды они поругались с дядей Павлом из-за винокурни. Дядя Павел обосновывал, что, по-видимому, винокурня идёт плохо и прино-

сит маленькие доходы, через что и фольварки хиреют. Тогда дядя Доминик винокурню упразднил, закрыл, службу разогнал, а все куфы,¹⁴ большие бочки, чаны, обитые железными обручами, приказал из винокурни перенести в самый большой салон рядом со своей комнатой и там рядами поставил. Всю мебель из того салона вынесли, а из винокурни сделали склад дерева и досок. До сей поры все эти чаны в салоне стоят. Ну, а одним вечером – пусть себе пан вообразит – этот дядя Доминик в последней комнате за большим салоном, в которой жил, привязал к дверям заряженное ружьё, сел напротив ствола и ногой нажал на спусковой крючок. Убился.

– Давно это было?

– Примерно десять лет назад. Я тогда была у монахинь. Мой пане, это только начало!

– Та смерть?

– Ну да. Поначалу вроде ничего. Отпели того дядю Доминика, надгробие ему поставили на кладбище при нашем костёле, мессу велели справлять за его душу. А тем временем...

– Что с пани? Чего пани так боится?

– А того, что он постоянно ходит по дому...

– Что пани говорит?

– То и говорю, и все подтвердят. Об этом вся округа знает.

– Мы смеёмся над такими вещами!..

---

¹⁴ куфа – (от нем. Kufe) огромная бочка; мера жидкости в Пруссии, равная 37 вёдрам

– Пан посмеётся, когда сам услышит.

– Что же такого я могу услышать?

– Кто тут только ни был, все подтверждают, что он вытворяет. Пусть пан послушает. Он берёт эти большие бочки, обитые железными обручами, поднимает, словно глиняный горшок и кидает с потолка на пол. Бочка отскакивает от пола – раз, другой, третий, четвёртый. Отчётливо слышно: бух... бух... бух... бух... Потом другую – то же самое, третью – то же самое. И так будет десять, пятнадцать раз повторять.

– Ну, а ходил кто-нибудь посмотреть, как он это делает?

– Ба! Ходили со свечами, со слугами, целым двором. Ходили и с ксендзом настоятелем, и с одним благочестивым монахом из Меховского. Все чётко слышали, как бадьи кидал, идут со свечами целой группой, входят в большой салон... Бочки стоят рядом, одна возле другой, как и стояли. Паутины висят от одной до другой, растянутые ещё Бог весть когда, покрытые толстым слоем пыли, как было годами.

– Ну вот, ведь видит же пани, что это иллюзия.

– Иллюзия! Кто только ни ночует здесь, сперва так говорит, прямо как пан сейчас, а потом дрожит со страху. Ксендзы освещали ящики.

– А пани слышала?

– Мне ли не слышать! Больше двадцати раз. Иногда, как начнёт действовать, то целый дом ходуном ходит. Но разве это всё? Он ходит по дому! Все его видят. В дорожном сюр-

туке табачного цвета, с костяными пуговицами, в обтянутой одежде с ремешками. Как-то в сумерках прошёл возле тётушки так близко, что задние костяные пуговицы его сюртука потёрлись о рифлёную поверхность мебели очень выразительно, очень... Тётушка упала в обморок.

— Хотелось бы верить в то, что пани говорит, но не могу.

— Ну, тогда я расскажу пану вещь ещё почище! Дядя и тётя много давали ксендзам, чтобы те постоянно отправляли мессы за упокой души дяди Доминика. Ксендз настоятель, уже пожилой человек, добрый священник, нам это рассказывал, а у самого руки тряслись от страха. Так вот, ксендз настоятель говорил, что сидят они как-то ночью с викарием в доме ксендза, в большой комнате, и обсуждают, какие мессы завтра будут отправлять. А поскольку было подано много прошений, то, хотя и была очередь службы за дядю Доминика, постановили её отложить на более поздний срок, когда-нибудь на потом. И ксендз настоятель признался, что они с викарием пополнили грех, поскольку говорили между собой, что слишком уж много месс за этого самоубийцу отправляют, когда и другие души в помощи нуждаются. К тому же, говорил ксендз настоятель, паньство Рудецкие то ли забыли, то ли что, но не дали на эту заупокойную мессу. И в общем так совещались ксендз с викарием, чтобы назавтра мессу за дядю Доминика не служить, а отложить её на более поздний срок. Викарий взял перо и уже собирался писать в книгу, за кого заупокойная служить будет. В комна-

те живой души не было, только их двое. Свечка между ними на столе горела. Когда викарий выписал первую букву чьей-то фамилии, на стол с громким звуком упал золотой дукат, будто с потолка свалился, закрутился на столе, закружился между ними обоими в блеске свечи и успокоился между рук тех ксендзов. Так им по-своему издевательски заплатил. Говорил ксендз настоятель, что они оба страшно испугались. Тут же отнесли тот дукат до костёла, положили на алтарь, как жертву, и крестом лежали под лампой всю ночь, истово молясь за упокой души Доминика. На следующий день оба отслужили мессу как надо.

– Странные вещи... А пани сама, когда в этом доме одна осталась, испытывала какие-нибудь страхи?

– Нет. Теперь как-то притих. Не бросается бочками и не гремит, как обычно. Один раз было, но не хочу об этом рассказывать.

– Не нужно. Прошу забыть...

– Пусть пан только подумает. Сюда приходят военные, обыскивают дом, кричат, шумят, пугают. А когда, в конце концов, уходят и можно с облегчением вздохнуть, то я остаюсь одна и начинаю бояться того, Доминика. Но теперь, когда пан появился, мне уже совсем ничего не страшно. То есть, я боюсь, но только войска. Ну тут хотя бы с людьми дело имеешь...

– С людьми? Серьёзно?

– Можно обороняться, не даваться зубами и ногтями, уме-

реть, наконец – но как быть с таким!

– Сегодня пани не боялась?

– Нисколечки! Спала как убитая, хоть я сплю очень чутко, и, как только Ривка застучает, сейчас же слышу.

– А где пани спит?

Пани Саломея застеснялась, вся покраснела, потом сказала:

– Тут сплю, в другой комнате.

– Где?

– В салоне.

– В том холодном салоне?

– Сенник себе постелила под паньские двери, чтобы тепло из комнаты шло, так и сплю. Ведь, видит пан, я должна быть поближе к окну, чтобы слышать, как Ривка в стекло стукнет.

Глава 3

Предвидение ужасных последствий в случае, если раненого обнаружат в её доме, заставляло панну Саломею искать укрытие для питомца. После длительных совещаний со Шчэпаном был найден определённый вариант. Из нетронутых огнём строений остался ещё, кроме конюшни, стоящий с краю сарай, заполненный прошлогодним сеном, которое уцелело, в то время как остальной инвентарь был уничтожен и расхищен. Одна сторона сарая была забита сеном аж по стропила. Там Шчэпан прятал свой мешочек с кашей. Там же решил прятать в случае опасности и повстанца. В глубине этого отсека, начиная с верха, Шчэпан выдолбил и выдрал нечто вроде колодца глубиной в семь-восемь локтей. Поскольку за осень и зиму сено слежалось и под собственным весом хорошо сбилось, данный колодец получился с твёрдыми стенками, держащими свою форму будто сруб. Кроме того, на самом дне он проделал канал в сторону открытой стены для притока воздуха. На развалинах винокурни кухарь нашёл старую кованую железом дверь, обгоревшую по углам и оттого имевшую форму эллипса. Этой крышкой, выбрав под неё в сене соответствующее посадочное место, он накрыл колодец словно веком. Сверху на дверь набросал порядочный слой сена, так что обнаружить укрытие не представлялось возможным. Одновременно продума-

ли и «аварийную» одежду для больного. В шкафах нашли длинную дорожную медвежью шубу пана Рудецкого, а также меховые сапоги. Всё это держалось под рукой вместе с двумя новыми верёвками значительной длины.

Панна Саломея вначале спала в холодном салоне, примыкающем к её, в недавнем прошлом, алькову, а ныне — к месту возлежания больного. Боязнь проспать предупредительный сигнал вынуждала держать открытой дверь до алькова, где, собственно, и располагалось то самое оговорённое окно. Кроме того, в этом необогреваемом помещении было невыносимо холодно, что так или иначе сильно ощущалось девушкой, спящей на расстеленном на полу сеннике. Отдельно обогревать салон не представлялось возможным, так как Щэпан уже давно рубил на дрова заборы сада и целого имения, чего едва хватало на кухню и отопление спальни. Не было иного выхода... Панна Саломея, называемая в семье и окружающими Мией, вынуждена была переместиться на ночь в свою прежнюю комнату, то есть в спальню князя. Тут на кушетке, полураздетая, укрытая медвежьей шубой, и спала подле больного. Каждый день, когда приходило время идти почивать, её мучил огонь стыда, а страх дурной молвы хватал за горло. Однако эти чувства уходили на второй план перед тревогой, что может обнаружиться факт нахождения этого человека в её доме. Когда третью ночь, полуспящая, проводила при больном, который охал, стонал и бредил в горячке, внезапно раздались четыре удара в окно. По-

том ещё раз четыре... Удары были нетерпеливые и быстрые. Панна Мия мгновенно вскочила на ноги, молнией пробежала сени, разделяющие альков от кухни, и разбудила кухаря. Старый тут же притопал, что-то ворча про себя. Она крикнула ему на ухо, что идут и принялась одевать Одровонжа. На ноги ему натянули грубые штаны и меховые сапоги, сверху одели медвежью шубу, под колени и под руки прокинули петли из веревок, а мощный старик подсел под весь этот груз, словно под мешок с зерном. Панна Мия помогла ему встать с бременем на спине, открыла ключом дверь из сеней в сад позади дома и снова закрыла её за ними. Старый Шчэпан пробирался вверх по снегу, охая и сопя под непомерным грузом. Добравшись до сарая, он через заранее приготовленный боковой вход вскарабкался по уклону из сена на самый верх, наощупь нашёл яму, накрытую деревянной крышкой, и велел князю сохранять гробовое молчание, принялся за работу. Отвалил крышку, взял в левую и правую руку концы верёвок и начал осторожно спускать раненого в тёмное отверстие. Разместив его на дне, привязал концы верёвок к уцелевшей скобе на двери, закрыл отверстие и забросал доски сверху сеном. Старательно притоптал всё ногами, живо спустился вниз, закрыл сарай на ключ и быстро вернулся в дом. В темноте прошёл через кухню, сени и оказался в спальне. Его первой мыслью было поменять постель повстанца. Над этим уже вовсю трудилась панна Мия. Подушка во многих местах была покрыта пятнами крови, ко-

торая вс ё ещё сочилась и пропитывала неумело наложенные повязки. То же самое было с одеялом и матрасом. Оба поспешно меняли постель, стелили чистые простыни. Только закончили, как за стенами дома послышался топот ко-ней, шум множества размеренных шагов и звуки голосов, со всех сторон окруживших усадьбу. Сразу же раздались уда-ры в двери на обоих крыльцах, колотание прикладами в став-ни и крики во всё горло, чтобы открывали. Шчэпан не сразу отправился выполнять это требование. Прежде всего вынес в темноте окровавленные наволочки и простыни и спрятал их в каких-то недоступных местах в хлебной печи, где бы их сам чёрт не нашёл. Только когда ломота в двери и ставни приняла такой характер, что грозила срыванием их с петель, пошёл на главное крыльцо и открыл входную дверь. Сразу же получил надлежащий гостинец. Панна Саломея зажгла свою лампу и ожидала в холодном салоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.